

История порой сохраняет такие свидетельства, которые говорят об эпохе больше, чем сотни книг.

Как-то раз показанная вначале в телевизионной программе "Далга", а затем опубликованная в прессе фотография потрясла сердца сотен тысяч людей. Фото внезапно состарившегося молодого человека со следами страданий, боли, муки на лице. Глаза, когда-то горевшие огнем страсти, бурным желаниям жизни, и потухшие в одиночестве - усталые, обреченные глаза. В них смертная тоска, отчаяние, безнадежность и немного удивления. Удивления чистого, простодушного человека по поводу непонятных событий, происходящих вокруг.

Фотография в профиль и анфас. Обычно такие фотографии помещаются в следственном или судебном деле какого-нибудь преступника. Кто же этот преступник? В чем его преступление? Этот "преступник" - поэт Микаил Мушфиг, его "преступление" - преданность поэзии, его "вины" - любовь к жизни, к друзьям, к своей возлюбленной Дильбер. В том, что в трудные времена пытался сохранить свою личность, свое достоинство, свою гордость. Приговор за все эти "преступления" - смертная казнь.

Сколько же прекрасного он мог создать в литературе, если бы судьба не поступила с ним так жестоко. Впрочем, какая судьба? Судьбу людей определяла тройка палачей НКВД. Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Лорка, Муса Джалиль Мушфиг, как и все они, прожил половину, а может быть, и треть отпущеной ему Богом жизни. И он вынужден был отказаться от всего, что любил.

Казалось, Мушфиг трагически предчувствовал свою неизбежную участь:

От жизни, которая стала ареной

Страстей современных в борьбе современной.

От солнца, от звезд, от земли, от вселенной.

От полночи, полдня - как мне отказаться:

Звезды - огни моих мыслей мгновенных,

Тучи - стада моих дум скровенных,

Небо - обитель страстей вдохновенных,

От высок подобной - как мне отказаться?

Перо молодое мое, не утешь

Созвучий и красок, чтоб кончить тетрадь.

Нет, не могу притворяться и лгать

От лет вдохновенных - как мне отказаться?

Эти строки, как и выражение безнадежности на портретных фотографиях, - свидетельство безысходности человеческого существования, его фатального бессилия перед лицом троцящей ему кары, неизбежностью насилия, не знающими жалости и пощады иррациональными силами зла. Вынужденный отказаться в расцвете сил от всего, что он любил, от всего, что привязы-

"Последнее лето" Микаила Мушфига

вало его к жизни, Мушфиг остался навеки "молодым человеком" азербайджанской поэзии.

Пять наиболее известных поэтов 1930-х годов - Сулейман Рустам, Самед Вургун, Микаил Мушфиг, Расул Рза, Мамед Рагим - имели разное социальное происхождение.

Самед Вургун и Расул Рза происходили из обедневших дворянских родов - Векиловых и Мамедовых. Отцом Сулеймана Рустама был кузнец, и он этим гордился, отцом Мамеда Рагима - фантонщик, и он не очень афишировал это. Самед Вургун приехал в Баку из Газаха, Расул Рза - из Гекчая.

Сулейман Рустам и Мамед Рагим были бакинцами или выходцами из его пригородов. Уроженец Хызы, Мушфиг также считается бакинцем.

Расул Рза в возрасте шести лет потерял отца. Самед Вургун и Микаил Мушфиг выросли без матери. И эти травмы по-разному, но одинаково глубоко отразились в творческом "я" поэтов.

Расул Рза вспоминал, как друзья упрекали Мушфига в том, что он беспрерывно курит. Мушфиг отвечал: "Столько лет папиросы обеспечивали мое существование, я зарабывала на хлеб, продавая папиросы, как же я могу изменить им!"

Расул Рза вспоминал один холодный морозный вечер 1936 года, когда, проходя с Мушфигом мимо сквера Сабира, они встретили мальчишку в рваной одежде, руки его терялись в рукавах пиджака с заплатками. Мальчик предложил им папиросы. Мушфиг остановился как вкопанный, посмотрел на мальчика, который дрожащими от холода руками протягивал ему мятую пачку, вытащил из кармана крупную купюру и, протянув мальчику,

не взял у него папиросы. В глазах мальчишки были и удивление, и нечаянная радость, в глазах Мушфига - слезы. Он и не скрывал их.

"Я словно встретил свое детство", - сказал он немного погоди. - Сколько вот в такие холодные вечера я продавал папиросы, я даже сочинил стихи, чтобы привлекать покупателей: "Эй мусульманин, эй уруст! Купи отличный, хороший папрос!"

11 февраля следующего, зловещего 1937 года Мушфиг с супругой Дильбер ханум были на свадьбе Расула Рзы и Пияяра Раифбейли. На этой же скромной свадьбе присутствовали Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Сейд Гусейн, Самед Вургун, Сабит Рахман, Мехти Гусейн. Тамадом был Кязим Алекперли. Спустя несколько месяцев были депрессированы Джавид, Джавад, Сейд Гусейн, К.Алекперли, Мушфиг.

Жена Мушфига Дильбер ханум, отчасти разделявшая его горькую судьбу (и она была арестована, сослана, но выжила, была реабилитирована в 1950-е годы и вернулась), вспоминала: "В марте 1934 года у нас родился сын. Мушфиг был безмерно счастлив, дал мальчику имя Ялчын, но наша радость длилась недолго, ребенок заболел в двухмесячном возрасте и, несмотря на все усилия врачей, умер. Мушфиг был сражен горем, не находил себе места. Друзья часто заходили к нам, пытались утешить. Самый близкий друг Мушфига Расул Рза советовал ему поехать в Москву учиться, чтобы к тому же и не-много развеяться".

Но Мушфиг почему-то не поехал. Я думаю, если бы он все-таки поехал учиться в Москву, возможно, это уберегло бы его от репрессий 1937-го года. Конечно, ни Гусейн Джавид, ни Ахмед Джавад, ни Юсиф Везир Чеменземинли, ни Сейд Гусейн ни в чем не были виновны.

Исходя из идеологических и политических понятий той эпохи, объяснением, если не оправданием, ареста Гусейна Джавида могло быть то, что он учился во "враждебной" Турции, в его письмах сильно влияние турецкой литературы, османского языка, да и темы далеки от современности. Джавад был мусаватистом, автором гимна независимой Азербайджанской Республики, Юсиф Везир - ее послом в Стамбуле. Сейд Гусейн - близкий родственник Мамеда Эмина Расулзаде. Но что могли инкриминировать Мушфи-

гу, выходцу из очень бедной семьи, поэту-романтику, вдохновенно воспевающему новую жизнь своего народа, даже посвятившему поэму Сталину?

В том-то и заключается недоступная нормальному разуму "логика" репрессий, что одна и та же участь постигла и Мушфига, автора стихотворения во славу национального музыкального инструмента - тара ("Йой тар, пой тар, кто тебя забудет"), и народного комиссара просвещения, большевика Мустафу Кулиева, своим декретом изгнавшего этого самый тар из Консерватории.

Дильбер ханум в воспоминаниях "Дни с Мушфигом" писала: "Мушфиг очень любил Расула, он не отличал его от родного брата Мирызы. Их дружба выдержала все испытания. Расул посвятил его памяти поэму "Если не было бы роз". Эта поэма - памятник верности в дружбе".

Поэма Расула Рзы "Если не было бы роз" - одно из первых по времени произведений, посвященных теме репрессий, не только в азербайджанской, но и во всей советской литературе. Автору удалось опубликовать свою поэму лишь много лет спустя после ее создания. Расул Рза воскрешает сцены из первого знакомства с Мушфигом в редакции газеты "Гянджа иши", литературную атмосферу тех лет, дружеское общение молодых писателей и поэтов, живые штрихи их образов.

Эти светлые воспоминания переходят в мрачную явь 1937-го года. С полной искренностью описаны в поэме душевые терзания самого автора по поводу этих страшных событий, постоянный риск и опасность превратиться из "товарища" в "тажданина".

Расул Рза писал: "Среди подпiseй, как предательские пощечины, нанесенные Мушфигу, не было моей подписи, никого и никогда я не клейми", но тут же он сокрушается и чистосердечно признается, что не призвал народ воспротивиться всем этим несправедливостям. Впрочем, можно ли было воспротивиться всей этой мерзости "во времена негодов"?

Можно было лишь разделить участия репрессированных, и это не спасло бы никого и ничего бы не изменило. Еще одной жертвой стало больше, и все.

Исследователь Азер Туран в эссе о писателях - жертвах репрессий писал: "Поэму о Мушфиге мог написать только

Расул Рза, чудом уцелевший в 37-м году. Изучая архивные материалы и газетные публикации тех лет, приходишь к выводу, что мучительное молчание Расула Рзы в те времена - достойный ответ тем, кто оправдывает свои неблаговидные поступки особенностями эпохи. Расул Рза, возможно, единственный поэт, который не обвинялся в те годы Джавада, Джавида, Мушфига. Он ни разу нигде не выступил против тех, с кем вчера делали хлеб, или даже против тех, с кем расходился во взглядах. Расул Рза стал председателем Юбилейной комиссии по празднованию 50-летия Мушфига и добился установления памятника ему в Баку. Я как-то писал о том, что даже в сталинские и багировские годы имена многих репрессированных упоминались в нашей семье только с уважением. С особой горечью говорили о Мушфиге. Причем не только его коллеги по поэзии - Расул Рза и Ниярх ханум, но и моя бабушка - мать отца, мои тети - сестры отца: ведь для них всех он был очень близким, родным человеком, почти членом семьи. В этой семейной привязанности свою роль сыграли и их совместно проводенные летние месяцы на ашхеронских дачах".

Мушфиг, помимо необыкновенного таланта, обладал и феноменальной памятью - без устали читал стихи, не только свои, но и классиков азербайджанской и турецкой литературы.

Суд над Мушфиком начался в 11:20 часов 5 января и продолжался до 11:40. Поэта приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли. Дата смерти, указанная в статье поэта Я. В. Смелякова - 12 марта 1939 года, является вымышленной.

После смерти Сталина началась волна реабилитаций. Судебное постановление о реабилитации Мушфика датировано 27 мая 1956 года. В октябре 2018 года во время поисковых работ, проведенных в поселке Путя Гардагского района Азербайджана были найдены останки, принадлежность которых предположительно относится к Микаилу Мушфигу. По приказу президента Азербайджанской Республики с целью изучения принадлежности останков и проведение экспертизы, ДНК была создана рабочая группа, члены которой являются представителями НАНА и Министерства культуры Азербайджана.